

ВЛАДИМИР КОЛЯЗИН

Брехт – сталинист или антисталинист?

Моральный суд над Брехтом в Доме Брехта

Хвалить ошибки лучше, чем их оправдывать

Б. БРЕХТ *Ме-ти. Книга перемен*

1. Дискуссионные и незаконченные стихи

Брехт, великий мастер диалектики, творец этики перемен, движется к нам, сам постоянно изменяясь. Ведь “неизменяемость – признак старости”, как говорил один из его литературных двойников г-н Койнер. Тогда как в начале двухтысячных особый упор делали на изучение неидеологического Брехта-поэта, “виртуозного апологета человеческой брэнности” (“Франкфуртер альгемайне цайтунг”), ныне внимание переключается в сторону Брехта-мыслителя, Брехта-философа, Брехта – виртуоза политики, как со знаком +, так и –.

Историк и переводчик Сергей Земляной, предваряя издание “Книги перемен” Брехта (написана в 30-е годы, издана в Западной Германии в 1965 году, в России – в 2004-м), специфици-

ческую позицию немецкого писателя по отношению к Сталину и его политике описал психоаналитически как “двуединую установку”, высказав при этом важную, хотя далеко не бесспорную мысль, что в анализируемой книге автор “на 20 лет опередил штатных коммунистов в критике культа Сталина”. И до сих пор колебания поэта-антифашиста вызывают споры, негодование, тревогу и сожаление.

Зимой 2017 года в Берлине на Литературном форуме при Доме-музее прошли очередные Дни Брехта, приуроченные ко дню рождения поэта (известные в прошлом как “Брехтовские диалоги”). Девиз Дней – “Я готовлю свое очередное заблуждение...” (цитата из “Историй господина Койнера”. Койнера, философа в маске клоуна, спрашивают, чем он сейчас занимается, он отвечает: “Готовлю заблуждение...”). Темой нынешних диалогов стал “Брехт и Советский Союз” (скажем языком брехтовских парабол “Кин-

и Су”). Для нас это еще один повод задуматься о смысле судебных инвектив, предъявляемых Брехтом Сталину и нынешнего времени Брехту.

Я назвал бы нынешние Дни своего рода *драматической постановкой, процессом-развенчанием легенды* о безупречном, идеализированном Брехте, процессом с документами в руках, напоминающим, с одной стороны, авангардистские дискуссии в Советской России 1930-х годов, с другой — спектакли-процессы “жарких” леворадикальных 1960–1970-х. Брехту это “мероприятие” понравилось бы... Не он ли предлагал устраивать драматизированные процессы, выводящие “на чистую воду”? Не он ли обдумывал в конце 30-х годов план Общества Дидро, дабы вместе с другими европейскими мыслителями формировать критический “образ антиметафизического и социального искусства”, и, обсуждая эту идею с Пискатором, намеревался пригласить в этот круг советских друзей — Эйзенштейна, Охлопкова, Третьякова? И пока мы не готовы дать на все поставленные в ходе этого процесса вопросы, давайте отнесемся к нему как к вызову, провокации, призывающей к дальнейшим исследованиям темы.

Наиболее любопытно отношение к поведению Брехта молодого поколения немецких интеллектуалов. Не случайно в первый вечер студенты Высшей школы сценических искусств имени Буша под руководством режиссера-педагога Хольгера Тешке сыграли композицию по стихам и дневникам Брехта. Интересны были не

столько знакомые, часто пафосные стихи, прочитанные по-новому, сколько глубокое, многомерное интонирование, соединенное с остраненной игрой, производящей сильное впечатление благодаря изящно и точно поданной музыке Ханса Эйслера. Критик, философ, поэт Берт Брехт был подвергнут критике Брехта и нового времени. Потом уже в дискуссии чтецы делились суждениями и сомнениями, мучавшими их в процессе репетиций:

А. Можно ли сегодня приносить эти гекзаметры?

Б. Как нам найти точки соприкосновения с этими странными текстами, которые сами работают против себя?

В. Какой он разный — то Сократ, то Эзоп, то Маяковский! И как к поэту-скептику относиться без иронии и скептицизма?

В молодости — мятежник, рьяный агитатор, в старости — Диоген в бочке... Часто когда один студент исполнял стихи с приподнятой агитинтонацией времени их написания (скажем, “Великий Октябрь”, зонги из “Матери”, “Хвала коммунизму”), другой, стоящий за его спиной, старался передать всю гамму современного отношения к этим стихам мимикой и жестами. Взяв на вооружение брехтовскую самоиронию, бушевские студенты прочли революционную и “околосоветскую” лирику Брехта, словно демонтируя ее, подвергая ее жесткому историко-философскому анализу и в то же время подтверждая уникальность личности Брехта-поэта.

Удивительным образом этот принцип доминировал и во второй вечер, когда за стол сели

брехтоведы Эрдмут Вицисла (директор архивов Брехта и Беньямина), Дитер Хеннинг, Флориан Вазен и режиссер Б. К. Трагелен. Разбирали детально, как на учебном занятии, можно сказать, структуралистски стихи Брехта, посвященные главным образом Сталину и времени советской утопии, сопоставляя их с брехтовскими размышлениями, препарируя в духе памятной дискуссии Брехта и Беньямина о сталинизме, о “диктатуре над пролетариатом”, о вожде и народе. Брехт предстал, с одной стороны, растерянным, нерешительным и слабым перед деяниями и метаморфозами сталинского молоха, с другой стороны — философом-циником, выражающим свою позицию в “альтернативном” слове и образе, “двойном языке” — варианте эзопового.

Поэт назвал Сталина в стихотворении “заслуженным убийцей народа”, однако публично оглашать эти стихи не стал (говорят, даже вычеркнул крамольную строку); он высмеивал Сталина в образе “великого осла”, покорно тянущего плуг и заведшего народ в никуда. Сегодня все чаще обращают внимание на стихи, которые прежде никогда не рассматривались в плане критики сталинизма, в толковании которых притчевое начало преобладало ранее над выявлением скрытого антисталинистского пафоса. “Никто и подумать не мог, например, что в ‘Речи к великому ослу’ речь идет о Сталине” (Вицисла). В России эти стихи до сих пор не переведены. Эти произведения называют “дискуссионными и незавершенными”, требующими пристального анализа. Одно “собра-

ние понятий” в них сбивает с толку — откуда оно? Важно было ныне, в начале XXI века, услышать суждения о поэтике Брехта в сопоставлении с поэтикой Босха и Ницше, задуматься над тем, насколько в творчестве и поведении Брехта отразились максимы древней китайской философии. Снова и снова фигура Брехта-поэта, мыслителя, драматурга, человека, вопрошающего к разуму, вызывает удивление, восторг, смешанные с чувством сомнения и отрицания.

И в последующие брехтовские Дни (таких вечеров-дискуссий было пять) доминировала тема противоречивости его поэзии, стремившейся возвыситься над печальными реальностями эпохи, воплощающей утопические идеи на практике. Попробуем подвергнуть “драматургию” брехтовских дней пристальному анализу, последовав за спиралью этой действительно драматичной дискуссии.

2. Поведение Брехта

в эмиграции сомнительно

Пolemически заостренный доклад историка Райнхарда Мюллера “Так значит, молчать — это самое лучшее? Бертольд Брехт и московские процессы” был выслушан в полном молчании и вызвал горячие споры. Прежде эта тема лишь эпизодически поднималась в работах послевоенных брехтоведов — Вернера Митгенцвая, Льва Копелева, Ефима Эткинда. Райнхард Мюллер известен как отменный знаток московских архивов, в том числе и секретных, как публикатор и комментатор документов

о немецкой политической эмиграции в СССР. Эффект разорванной бомбы произвела в 1991 году его публикация стенограммы закрытого партсобрания немецкой секции Союза писателей 4–6 сентября 1936 года “Чистка” (Die Säuberung. Moskau 1936: Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung. — Hamburg: Rohwolt, 1991. — 583 S.), которое автор охарактеризовал как “предварительное инквизиционное следствие против писателей-эмигрантов накануне московских процессов”. Немецкие писатели, литературоведы и театральные деятели собрались, чтобы выявить и обличить писателей-фракционеров, еретиков и уклонистов от генеральной линии партии. Уже на том заседании Георг Лукач призвал к “ликвидации вредителей”. Ныне же Р. Мюллер представил историко-философский комментарий к документам, проливающим свет на позицию и поведение Брехта в годы сталинских чисток и репрессий, к документам, которые всем нам, немцам и российским брехтоведам, были недоступны.

Брехт получал довольно обширную информацию о происходящем в середине 30-х годов и, значит, отдавал себе отчет о размахе репрессий, знал он и о том, что и его подозревают в троцкизме, тем не менее прославлял в стихах СССР, страну Великого порядка, знал он и об аресте переводчика его пьес Сергея Третьякова и актрисы-эмигрантки Каролы Неэр, обсуждал проблему с Димитровым, набрасывал текст писем протеста, но так и не отправил их в Москву. Горячо спорил с Бенямином о природе стали-

низма, хотя знал о его парижском докладе о недостойном поведении коммунистов и социалистов, но публично на эту тему не высказывался. Уже в 1935 году Брехт слышал о тогдашних процессах, о более поздних процессах читал в специальной брошюре — читал, но в текстах, против обыкновения своего, ничего не подчеркивал. Неудивительно, что Райнхард Мюллер прокомментировал эти факты весьма саркастично, в духе брехтовского Койнера: “Диалектик ли Брехт, не знаю”.

Докопаться до понимания тактики Брехта во многом мешает закрытость многих дел в российских архивах (так, архив Димитрова по-прежнему недоступен, тайная часть архива Михаила Аплетина, секретаря зарубежной комиссии СП, которая могла бы пролить свет на секреты пребывания Брехта в СССР, когда он в 1941 году направлялся в эмиграцию в США, якобы бесследно исчезла...). Вспоминаю рассказы моего старшего коллеги Вячеслава Нечаева, много раз пытавшегося встретиться с Аплетиным для беседы о его личном архиве и о Брехте, но встреча так и не состоялась.

Насколько основательны упреки Брехту в сталинизме? Молчание Брехта Р. Мюллер предсудитительно называет “предписанной ситуацией”. В условиях противостояния сталинизма фашизму молчание, очевидно, представлялось Брехту чем-то “самым лучшим”. Много вопросов поставил немецкий историк и перед будущими исследователями (если им станут доступны московские архивы, недоступные сегодня):

— кто организовывал проезд Брехта с семьей через СССР в 1941 году, не сам ли Сталин давал распоряжение?

— кто писал доносы на Брехта из “драгоценного” Коминтерна?

— играла ли роль в интеллектуальном дискурсе “Брехт—Беньямин” недостаточность информации о Троекском?

— можно ли рассматривать его позицию “верного друга Великого порядка” в отрыве от антисталинского дискурса с Беньямином?

Добавим от себя: можно ли рассматривать брехтовскую позицию “верного друга Великого порядка” в отрыве от универсального языка притч и от антиавторитарной сути его творчества? В пылу политологических обвинений писателю мы часто забываем, что главным полем высказывания Брехта-художника были все же его художественные произведения, его анти тоталитаристские драмы-притчи, рождавшиеся параллельно работе над потаенной “Книгой перемен”. Модель “Круглоголовых и острогололовых” была направлена не только против зарождавшегося в Германии диктаторского режима, она анализировала функционирование любой диктатуры.

В дискуссии приняла участие брехтовед Сабина Кебир, биограф Елены Вайгель, автор нашумевшего бестселлера “Брехт и женщины” (1987), напомнившая, что в годы американской эмиграции Брехт бывал в советском посольстве, за что попал в поле зрения ФБР. Возможно, он интересовался судьбой репрессированных...

Сабина Кебир напомнила и о ряде суждений Брехта из “Книги перемен”, своего рода учебника диалектики, где писатель, великий моралист, говорил о недопустимости “оправданий аморальных, неэтичных поступков”. Вопросы, проблемы... “Поведение Брехта в эмиграции экзистенциально сомнительно”... “Достаточно ли у Брехта моральных оправданий своего поведения?”

Тезисы Кебир вызвали негодование известного левого интеллектуала и репортера Ханса-Кристофа Буха, одного из активистов студенческого бунта 1960-х, обвинившего Кебир в “антисталинистском трепе”. В итоге вопрос о том, можем ли мы предъявить Брехту свои нынешние “моральные проклятия”, повис в воздухе. Решение не было найдено. Очевидно, расхождение во мнениях неизбежны. Не покидает ощущение, что существует ряд препятствий, обусловленных глубоким кризисом современного сознания, которые и после выявления основных противоречий мешают доводить интеллектуальные споры до конечной точки, до выявления сущности проблемы.

3. *Индустрия тоталитаризма и тактика Брехта. Феномен “двойного языка”*

Ведущий четвертого вечеродискуссии снова поставил вопрос ребром:

— Почему Брехт не спросил Фейхтвангера напрямую о

сути его “сталинского романа” “Москва 1937”?

— Почему Брехт упустил свой шанс стать диссидентом?

— Что мы можем сегодня сказать о брехтовской самоидентификации?

Согласимся, до сего дня столь остро и столь комплексно брехтоведение эти вопросы не ставило.

Казалось, расследование может двинуться и в сторону фрейдистского анализа, как это уже было после вызвавших бурную дискуссию книг Джона Фьюджи “Брехт и компания: секс, политика и современная драма” (1994) и Юрия Оклянского “Гарем Бертольта Брехта” (1997). Но интеллектуальный коллектив устоял от этого соблазна, сосредоточившись на теме индустрии тоталитаризма и тактики Брехта.

Михаэль Рорвассер, славист из Вены, призвал брехтоведов к “филологической точности”, дабы не повторять ошибок издателя “Доктора Живаго” Фельтринелли, назвавшего Брехта в своей речи “прототипом коммунистического литератора и провокатором”. Повторив уже известный тезис о доминирующем в творчестве поэта и драматурга “двойном языке”, технике “вскользь обмолвленного слова”, Рорвассер перешел, тем не менее, к неприятным вопросам, взывая к ответу дух “непоследовательного поэта”:

— Почему Брехт оставался верным сталинской партийной линии?

— Был ли Брехт ренегатом?

— Почему даже пакт 1939 года не развязал ему язык? (Выясняется, что для обсуждения это-

го вопроса недостает материала; так, хранящийся в архиве Брехта драматический фрагмент на тему пакта Молотова—Риббентропа, где речь идет о Сталине, Молотове и Ворошилове, до сих пор находится под запретом наследников.)

— Почему Брехт позволял себе дипломатично отделяться общими фразами на сообщения друзей об арестах в СССР?

— Как он мог унизиться до стихов, восхваляющих тирана (“воплощение надежд всех угнетенных”)?

— Зачем Брехту гэдэеровской эпохи нужно было писать “патриотические послания”, когда для этого вполне хватало стихов Иоганнеса Бехера?

Не раз уже Брехта критиковали за то, что его стихотворения об успехах социалистического строительства в СССР (“тактические баллады”) представляют собой “не объективные репортажи, а сказочные легенды”. Спор вызвали также “поучительные стихи” о мастере высоких урожаев Лысенко, не были ли они политическим заказом и не был ли Брехт лысенковцем?

В стихотворении Брехта, однажды уподобившего Волгу “находчивому гению с чертовским чутьем Одиссея”, звучит мотив исправимости природы, заимствованный у советской пропаганды. Неизвестно, слышал ли писатель что-либо о Вавилове. Прискорбно, что Брехт, принадлежавший к числу великих мыслителей своей эпохи, показавший в “Галилее” взлет и трагедию научного знания, так и не смог прикоснуться к источникам, которые помогли бы ему разобраться в картине размеже-

вания науки и псевдонауки в СССР и результатах разгрома советской науки. Хотя следует признать, что, “по сравнению с Блохом и Фейхтвангером, Брехт был все же более критичным наблюдателем”.

В “Ме-ти. Книге перемен” Брехт развивает теорию социальной утопии и новой этики... и одновременно демонстрирует противоядие против любого идеологического рефлекса. Переоценить значение этого учебника диалектики невозможно, и в нынешних условиях брехтовские скепсис и дистанция поучительны, спасительны и взывают к вековой мудрости. В этом конволюте афоризмов Ленин предстает в образе Минь-энь-ле, Сталин — как Ни-Энь, Троцкий — То-Цзы, Гитлер — Хи-э, Брехт — Кин. Жаль, что во время Дней Брехта не было сделано отдельного доклада об этой книге-параболе, о сути фашизма и тоталитаризма в свете нового понимания природы брехтовских колебаний и философии нового стоицизма.

Разгоряченная неделей дебатов публика требовала от ораторов еще большей информации и четкости аргументов. Этот многоликий Янус Брехт, которого потчевали в Москве шампанским и икрой, который был абсолютным моралистом в своих произведениях, рассказывал анекдоты о Сталине — “оскорбленном трубадуре”, а Третьякова не защитил... (да разве только одного Третьякова?! — В. К.). Так почему нельзя его морально осудить? У другой части публики “демонтаж Брехта” вызвал нескрываемый гнев.

Брехтовские Дни-2017 закончились множеством вопро-

сительных знаков. Сомнение Брехт считал гораздо более продуктивным, чем набор утверждений. В архиве Брехта обнаруживаются все новые и новые документы, совсем недавно были найдены несколько разрезанных на части страниц — “ценнейший филологический конволют”, к которому никто еще не прикасался. Брехтоведам предстоит разгадать немало загадок. Когда страсти улеглись, исследователи сообража пришли к выводу: несмотря на то что писатель был “функционализирован” гэдээровской идеологической машиной (Рорвассер), но погубить поэта и мыслителя эта машина не смогла. И лучше, пожалуй, “не свергать его с пьедестала, а идти вглубь каждой конкретной ситуации, работать с текстами” (Трагелен).

4. *Читаем стихи.* *Маленький* *антисталинский* *“Декамерон”*

Давайте же и мы вместе прочитаем прежде непереведенные на русский антисталинские стихи. Большинство из них являются реакцией поэта на разоблачения XX съезда партии; к ним примыкает обработка “Поэмы для взрослых” польского поэта Адама Важика, горькой сатиры на реальный социализм, на попытку создания “нового Эльдорадо”.

Поведение Брехта в эмиграции, его отношение к Сталину и своим друзьям — жертвам сталинского режима невозможно

рассматривать в отрыве от его творчества, от философской структуры его интеллектуализма и жанровой природы его произведений. Точно так же сталинские (антисталинские) стихи нельзя рассматривать вне контекста его творчества, вне параллелей с пьесами-параболами (“Говорящий ‘Да’ и говорящий ‘Нет’” — пьеса, которая читается сегодня как сатира на советскую действительность, “Карьера Артуро Уи, которой могло и не быть”, “Талилей”) — иначе неизбежны односторонность и передергивания. Утопию социализма, столь близкую ему по пафосу свободолюбия, писатель пронизал от истока до перевертыша, до погубившей ее чудовищной антиутопии. И, тем не менее, все попытки обнаружить в архиве доказательства, что Брехт был на самом деле “великий антикоммунист, успехом не увенчался, — заметил Ян Кнопф, — критика — да, антисоциализм — нет”. Брехт никогда не испытывал пиетета к властям предрержащим, и все же оказался в “ловушке политической лояльности”.

Образ Ленина, провозвестника русской революции и “мирового пожара”, очень быстро лишился ореола гения. К началу 30-х годов у наиболее прозорливой части немецкой левой интеллигенции, вкусившей множество стадий гитлеровского “фюрерства”, мотив ожидания вождя, столь характерный для 10–20-х годов, стал сдуваться, как сдувается проколотый воздушный шар, чего нельзя было сказать о мотиве социалистической утопии. Напомним, что вождь Минь-эль-ле (Ленин) предстал в брехтовском ин-

теллектуальном романе “Ме-ти. Книга перемен” (30-е годы) в абсурдистском облике некоего врача с “дерзкой поверхностностью ума” (“Кому еще могла прийти в голову идея продолбить больной череп или, при ампутации руки, извлечь нервные волокна и прикрепить их к искусственной руке?”). В этой же поэтике противоречия рассматривался и образ Сталина. Но не надо забывать, что Брехт, как метко заметил Беньямин, “сидел в эмиграции и ждал Красную армию, следил за русским развитием и изучал труды Троцкого”. Прозрения приходилось хранить в самом дальнем ящичке стола; прошло много времени после окончания войны, прежде чем наследники Брехта решились по частям публиковать положенное в стол.

Рассуждая о “поэтике противоречия”, современные критики склонны говорить о некоем шифрованном, “двойном” и даже “двойственном”, языке. К сожалению, нет пока основательных трудов, которые бы исследовали этот язык в связи с эзоповым языком — давней традицией мировой литературы. Нам близка мысль Яна Кнопфа, издателя и комментатора последнего брехтовского 37-томника (1988–1998), утверждавшего, что писатель “и благоговение, и хулу умел выразить одними и теми же словами”. Иными словами, универсальным языком параболы.

Чем больше стали открываться глазам писателя сущность большевизма, перерождение социалистических идей в СССР, тем все четче в его творчестве проявляется анти-тоталитаристская тенденция.

Лучше всех этот поворот охарактеризовал Вальтер Беньямин, верный спутник размышлений Брехта в годы эмиграции. Сомнение Брехта относительно путей развития сталинской России Беньямин называет словом “Verdacht” — подозрением, разделяемым с Троцким, “оправданным подозрением, требующим скептического рассмотрения русского развития”. В своем дневнике он упоминает день, в который поэт принес ему переписанный стих о Сталине “Крестьянин на своем осле” (существовало три редакции), смысл которого не сразу открылся даже умудренному автору “Московского дневника” — очень уж хитрая и “сложная” форма, с невероятными переходами прыжками, похожими на сальто. Брехт называл свой скептицизм “скептицизмом классика”, мудрее которого ничего быть не может. Брехт чувствовал, что скоро настанет день, когда со сталинским режимом — “преступной кликой” — можно будет “бороться и в открытую”. Это была беседа мыслителей-изгнанников за семью дверями и семью печатями, выносив наружу содержание которой было равносильно смертному приговору. И о стыде говорил в этот вечер “слишком чувствительный” Брехт: “Мы заплатили за нашу позицию; наши тела покрыты шрамами. Мы слишком чувствительны, и это естественно” (запись в дневнике Беньямина от 25 июля 1938 года. Напомним, ода “Великий Октябрь” датирована 1937-м).

Конечно, в брехтовском постижении сути молоха стали-

низма есть несимпатичная нам сегодня медлительность, этапы сомнений, подпольно-скрытый слог. Если Мандельштам, писавший о широкогрудом осетине, по природе своей все время “лез на рожон”, то Брехт предпринимчиво уходил от прямого риска, ради очужденного наблюдения и ради сохранения себя для творчества.

Стихи Брехта не замкнуты на себя, они обращены к будущему читателю, которому придется взвешивать “за” и “против” сталинского варианта строительства социализма, “за” и “против” Сталина. В этом смысле обращают на себя внимание стихи “Тири на весах”. Метафора весов как инструмента взвешивания возникает у Брехта уже в прологе к “Круглоголовым и остроголовоым”, где актеры в поиске критериев справедливости, вращая в руках “верные” и “неверные” весы, приходят к выводу: “Весы — это то, что взвешивает”. Точно так же к скептическому зрителю обращается Брехт в своих антисталинских стихах, перенося ответственность за процесс с механического инструмента на того, кто взвешивает. Знаменательно, что к образу весов Брехт обращается приблизительно в то же роковое время исторического выбора, что и Ахматова в стихотворении “Мужество” (1942).

Надо ли антисталинские стихи, в которых поэт провоцирует, играет смыслами, подтекстами, цитатами, освобождать от маскировки, “тени”, как требуют некоторые филологи? Брехтовские лирические сатиры не нуждаются в оправданиях и пространных

извинительных комментариев. Они достаточно ясны и убедительны в своей лаконичной притчевой поэтике. Слышай да услышит.

Эти стихи предназначены скорее не для чтения, а для речитации, столь любимой Брехтом поэтически-музыкальной формы, опробованной с Эйслером и Хиндемитом. Брехтовские строфы полны каденций, ропота, возгласов, их можно трактовать как песни, которые поют на хорах разгневанные ангелы. Поэт, то странник, то монах, то учитель, то охальник-скоморох на площади, высмеивает идеологию, лексику сталинизма. Он играет с образом-тенью дерзко, в духе тысячелетней традиции басни, шванка, китаизированной короткой хлесткой притчи, средневековой частушки-кричалки. В то же время это стихи, полные трагедийной печали. Цикл можно было бы в целом назвать маленьким антисталинским “Декамероном”. Кто знает, во что бы воплотились эти осколки, проживи Брехт дольше.

Были бы мы бесконечны
Все бы переменялось
Но поскольку конечны мы
Многое остается по-старому.

(1956, одно из последних
брехтовских четверостиший)

Путем Брехта, как мы знаем, пошел его ученик Хайнер Мюллер (автор афоризма “Не менять Брехта — преступление”) в своих антисталинских драмах, в которых тиран предстал в образе жестокого бессердечного клоуна.

I

В юности был он сноровист
В старости он был жесток
Юношей
Он не был богом.

Богом себя возомнив
Стал мудаком.

1956

II

Царь разговаривал с ними

Царь разговаривал с ними
Плеткой и ружьем
В Кровавое воскресенье. Затем
Стал говорить с ними плеткой
и ружьем
Все дни недели, каждый божий
день
Заслуженный убийца народа.

Солнце народов
Испепелило дотла своих чад.
Отец и учитель народов
Выкинул из головы
Коммунистический манифест.
Гениальнейший Ленина ученик
Папочке дал по мордам.

1956

III

Гири на чаше весов

Гири на чаше весов
Тяжелы. Брошена
На другую чашу мудрость
И как необходимый кровавый
довесок
Жестокость.

И оглянулись чада:
Ошибка-то в чем? Божество?
Или молитва?

Но машины?
Но трофеи победы?
Но ребенок без куска хлеба?

Но истекающих кровью
товарищей,
Скованных страхом,
неуслышанный крик?

Тот, кто все обещал,
Сделал не все.

Обещаны были молочные реки,
А хлеба как не было так и нет.
1956

IV

Червиго божество

Колотят чада в грудь ручищами
себя
Как баб своих по заднице
колотят
Упоенно.

V

*О выведении новых сортов
зимостойкой пшеницы*

Коль мобилизуется уйма ученых
Должны ль социализм строить
Пара слепых в темноте на скорую
руку?

Втащит ли вождь вождимых
На гору, известную лишь ему?
На худой конец статистика
Если она запряжется. Не лучше ль
позволить
Вождимым самим вести.
1956

VI

*Обращение крестьянина к своему
ослу*

*По мотивам египетской
крестьянской песни. 1400 лет
до Р. Х.*

О великий осел, богом
посланный нам плугарь,
Изволь же ровнее пахать!

Милейший,
Борозды нам не порть! Ведь ты
Впередсмотрящий, лидер ты
наш, цоб-цобе!

Мы горбили спины, чтоб корму
нарезать тебе.

Изволь же до капли все съесть,
кормилец наш дорогой!

Живот набивая,
О борозде ты забудь, жри себе,
жри!

Сарай твой, хранитель семьи,
Мы кровлей укрыли, от боли
кряхтя, нам

И дождик сойдет, только чтоб ты
был в сухом. Вчера

Покашливал ты, большой
языкознанья друг.

Ну ты нас довел. Не вздумал ли
До посевной сдохнуть, ты, пес?

1938